

УДК 324

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-3-381-405

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ: МЕХАНИЗМЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ В ЭТНИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ

С. Н. ШКЕЛЬ

Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования:

Шкель С. Н. Скованные одной цепью: механизмы электоральной мобилизации на локальном уровне в этнических республиках России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 3. С. 381–405. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-3-381-405.

АННОТАЦИЯ

Введение: исследователями российских выборов давно замечено, что в ряде этнических республик уровень электоральной мобилизации и политического конформизма избирателей выше, чем в среднем по России. При довольно многочисленных статистических доказательствах наличия этого политического феномена до сих пор сравнительно мало известно о конкретных каузальных механизмах воспроизводства электоральной активности в этих республиках. **Цель:** выявление факторов, определяющих высокий уровень электоральной мобилизации избирателей в этнических республиках России. **Методы:** анализ качественных данных, собранных методом фокус-групп в пяти регионах: республиках Башкортостан, Татарстан, Коми, Саха (Якутия) и Чувашии. **Результаты:** высокий уровень электоральной мобилизации есть результат совокупности трех факторов, каждый из которых влияет на разные категории избирателей. Институциональный фактор в виде работы политических машин вовлекает в избирательный процесс работников бюджетной сферы и производственных предприятий. Плотность социальных сетей как следствие специфики сельского уклада жизни оказывает влияние на электоральное поведение предпринимателей и самозанятых, проживающих на селе. Наконец, советское наследие продолжает обуславливать высокую политическую активность старшего поколения, выступая значимым культурным фактором. Вместе с тем, ряд объяснений, рассматривающих религиозную или культурную специфику нерусских этносов как факторы, упрощающие их электоральную мобилизацию, не нашли эмпирического подтверждения. **Выводы:** свидетельства роли норм солидарности на селе в ходе выборов позволяют сделать вывод, что консолидация и высокая интенсивность горизонтальных взаимосвязей не всегда может работать на вос-

производство институтов гражданского общества и низовых демократических практик. Как показывает опыт российских этнических республик, этот элемент общественной консолидации вполне может быть интегрирован в дизайн авторитарных выборов. Таким образом, неформальные сети низовой солидарности могут быть использованы не только оппозицией, но и локальной властью для увеличения электоральной мобилизации, что в текущем политическом контексте скорее укрепляет авторитарные порядки и практики, чем создает для них угрозы.

Ключевые слова: выборы; этнические республики; электоральная мобилизация; политические машины; социальные сети; регионы России

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на процессы централизации, характерные для текущего политического развития России, даже в условиях авторитарной природы выборов российские регионы продолжают демонстрировать специфику электоральных исходов. Это в особенности касается ряда российских этнических республик, которые на всем протяжении своего постсоветского развития выделяются повышенным уровнем электоральной мобилизации, выражающимся в сравнительно высоких показателях явки и голосования за представителей власти. Исследователи российских выборов давно заметили эту специфику, неоднократно указывая на положительную взаимосвязь между долей нерусских этносов и уровнем электоральной мобилизации. Наряду с количеством аграрного населения, эта переменная неизменно оказывается статистически значимым предиктором, объясняющим уровень явки и электоральной поддержки инкубентов. Вместе с тем, фиксируя взаимосвязь указанных переменных, ученые не часто обращаются к вопросу о причинах высокого уровня политической мобилизации в этнических республиках. Каковы конкретные механизмы электоральной мобилизации в этих регионах? Какие конкретные цепи или сети связывают воедино избирателей в этнических республиках, формируя столь высокий уровень политического участия? Загадка о конкретной механике воспроизводства политической лояльности в этнических республиках до сих пор во многом остается скрытой внутри «черного ящика». На основе данных фокус-групп, проведенных в пяти этнических республиках, в статье описываются факторы и раскрываются конкретные каузальные механизмы, позволяющие властям на локальном уровне добиваться высокого уровня электоральной мобилизации.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Звенья цепи: религия, сети, институты

Роль этнического фактора в политических процессах вряд ли можно переоценить. Ученые в самых разных странах мира и на примерах самых разных политических режимов исследуют этот феномен, отмечая роль этнокультурных маркеров в электоральной мобилизации (Bates, 1983; Gorenburg, 1999; Gorenburg, 2003; Wantchekon, 2003; Chandra, 2004; Posner, 2005; Birnir,

2007; Hagendoorn et al., 2008; Franck and Rainer, 2012; Hoffman and Long, 2013). В советский период вопросы национализма и этноцентризма всегда оставались чрезвычайно значимыми, став одной из причин кризиса и распада СССР (Lapidus et al., 1992; Kaiser, 1994; Tishkov, 1997; Hale, 2005). В постсоветский период этнический фактор играл и продолжает играть не менее важную роль, оказывая влияние на многие аспекты политической жизни. В частности, исследователями давно замечен факт большей управляемости электоратом, который демонстрируют этнические республики. Это позволяет властям в данных регионах добиваться более высоких электоральных показателей, чем главам типичных российских субъектов (Myagkov et al., 2010; Goodnow and Moser, 2012; Goodnow et al., 2014; Bader and Van Ham, 2015; Panov and Ross, 2016, 2019; Saikkonen, 2017; White and Saikkonen, 2017).

Между тем, следует заметить, что далеко не все этнические республики демонстрируют высокий уровень электоральной мобилизации (явку). В таблице 1 представлены данные явки по результатам выборов Президента Российской Федерации в 2004–2018 годах, а также общероссийскому голосованию 1 июля 2020 года по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Из представленных данных видно, что из 21 республики только в 10 явка превышала общероссийский показатель на пять процентных пунктов и более. В семи республиках явка соответствовала среднему по России. В четырех республиках явка была меньше общероссийского показателя на 5 процентных пунктов и более.

Таблица 1 / Table 1

Ранжирование этнических республик России по уровню электоральной явки по результатам федеральных выборов в период 2004–2020 годов / Russian ethnic republics ranking by the level of electoral turnout in federal elections, 2004-2020

№ п/п	Республика	2004	2008	2012	2018	2020	Среднее по республике	Среднее по России
1	Чечня	93,07	91,2	99,61	91,54	95,14	94,11	67
2	Дагестан	92,67	90,41	91,13	87,48	89,99	90,33	67
3	Карачаево-Черкесия	78,14	92,2	91,28	87,41	84,22	86,65	67
4	Ингушетия	95,64	92,32	86,47	81,96	76,34	86,54	67
5	Кабардино-Балкария	94,69	91,7	73,06	91,8	79,57	86,16	67
6	Тыва	67,41	80,68	92,63	93,66	92,8	85,43	67
7	Мордовия	86,14	92,89	89,65	77,86	79,6	85,22	67
8	Башкортостан	85,05	90,06	76,38	75,45	90,83	83,55	67
9	Алания	86,75	73,26	80,82	89,99	82,76	82,71	67
10	Татарстан	79,28	83,29	83,02	77,42	79,68	80,53	67
11	Адыгея	70,4	65,02	64,36	74,31	82,02	71,22	67
12	Чувашия	62,25	73,44	73,65	76,22	64,11	69,93	67
13	Якутия	77,08	75,15	74,56	61	55,56	68,67	67

№ п/п	Республика	2004	2008	2012	2018	2020	Среднее по республике	Среднее по России
14	Марий Эл	58,15	83,49	70,88	66,43	61,86	68,16	67
15	Калмыкия	63,03	67,23	62,02	69,45	73,67	67,08	67
16	Бурятия	61,21	71,29	66,17	75,2	64,6	67,69	67
17	Алтай	57,3	76,87	67,27	64,77	51,46	63,53	67
18	Удмуртия	64,09	66,24	64,4	63,27	56,25	62,85	67
19	Коми	55,21	71,85	70,14	60,4	51,82	61,88	67
20	Хакасия	52,52	62,45	64,73	65,88	51,48	59,412	67
21	Карелия	53,83	55,77	55,4	57,2	46,07	53,65	67

Источник: составлено автором по данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации¹.

Представленные данные говорят о том, что далеко не все этнические республики демонстрируют повышенный уровень электоральной мобилизации. Тем не менее половина из них действительно демонстрирует повышенный уровень мобилизации, что вызывает вопрос о причинах этого.

Безусловно, в условиях авторитарного контроля к данным официальной электоральной статистики необходимо относиться критически. Есть довольно много свидетельств, указывающих на то, что результаты во многих регионах России и, в особенности, в этнических республиках, не отражают реального волеизъявления избирателей и в значительной степени искажены вследствие разного рода манипуляций. Однако не одинаковые итоги выборов в разных регионах говорят о том, что возможности по электоральной мобилизации в них отличаются. Известно, что масштабные фальсификации часто приводят к пост-выборным протестам и поэтому власти на местах стараются использовать такого рода манипуляции лишь в той мере, в какой это не вызовет явного диссонанса у граждан и не приведет к протестной активности. Поэтому официальная статистика об уровне явки может служить вполне реалистичным индикатором для оценки двух параметров: во-первых, степени политической лояльности населения и, во-вторых, степени эффективности местной власти с точки зрения использования административного ресурса. Другими словами, приведенная выше электоральная статистика в данном исследовании не рассматривается как показатель точной явки избирателей, но может применяться для измерения уровня административной консолидации власти, способной эффективно мобилизовать электорат. Представляется, что для оценки и разграничения регионов по данному критерию официальная электоральная статистика даже в условиях авторитарных выборов является полезным источником данных.

Выявленная с помощью электоральной статистики дифференциация регионов по уровню мобилизации вызывает вопрос о причинах более высокого уровня этого показателя во многих этнических республиках. В литературе

¹ *Календарь выборов [Электронный ресурс] // офиц. сайт Центр. избират. комис. Рос. Федерации. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 02.03.2021).*

можно найти три основных фактора, с помощью которых ученые объясняют взаимосвязь между этничностью и высокой электоральной мобилизацией. Это религия (ислам), институты (политические машины) и социальные сети.

Религия

Этнические республики в составе Российской Федерации отличаются этнодемографическим составом населения и сравнительно высокой долей нерусских этносов, имеющих иную от русского большинства культуру. Наиболее контрастная разница культур наблюдается по линии доминирующей религии. Не трудно заметить, что среди этнических республик, которые в наибольшей степени демонстрируют электоральную активность, 7 из 10 представляют собой регионы Северного Кавказа и Поволжья, где доминирующей религией является ислам. С тех пор как С. Хантингтон выдвинул тезис об исламе как существенном препятствии для демократизации (Huntington, 1996), в современной политологии вопрос о совместимости этой религии с демократией продолжает активно дебатироваться. Наряду с дополнительными аргументами в пользу точки зрения С. Хантингтона (Nairpaul, 1982; Kedourie, 1994; Miller, 1997; Mayer, 1999; Karatnysky, 2002), последние исследования скорее критически оценивают этот тезис, не находя эмпирических подтверждений того, что ценности ислама препятствуют демократическим устремлениям граждан (Fish, 2002; Tessler, 2002; Inglehart, 2003). Тем не менее даже в них отмечается сохраняющийся консерватизм и патриархальность большинства исламского населения по вопросам прав человека, гендерного равенства и толерантности к сексуальным меньшинствам. Учитывая, что данные темы тесно коррелируют с динамикой демократизации, ученые продолжают рассматривать религиозный фактор как важный предиктор электорального поведения (Kostenko et al., 2016).

Основываясь на культурном подходе, можно предположить, что природа политической лояльности этнических республик (по крайней мере тех из них, которых можно причислить к исламским регионам) связана с особенностями культурных ценностей исламского населения. Как утверждал С. Хантингтон, специфика исламского политического сознания связана с ориентацией на авторитет, единоначалие и характеризуется приоритетом коллективизма над индивидуализмом (Huntington, 1996, p. 118). Если эти суждения верны, то высокий уровень политической активности этнических республик можно объяснить наличием авторитарной культуры мусульманского населения, представители которого склонны ориентироваться на властных авторитетов. Это помогает региональным властям в таких регионах сохранять высокий уровень политической мобилизации электората.

Объяснительный потенциал культурологического подхода, однако, имеет существенные ограничения. Так, среди этнических республик, обеспечивающих электоральное сверхбольшинство для инкубентов, есть не только исламские регионы, но и те, в которых доминирующей религией является православие (республики Мордовия и Северная Осетия – Алания) или буддизм (республики Тыва и Калмыкия). Кроме того, последние исследования показывают, что титульные этносы в мусульманских республиках не всегда демон-

стрируют политическую лояльность и способны выходить из-под контроля инкубентов. Например, значительная доля башкирского электората на президентских выборах 2018 года присоединилась к протестному голосованию (Shkel, 2019, pp. 101–108). Следовательно, религиозные параметры не всегда определяют логику электорального поведения.

Институты

Альтернативным и куда более распространенным среди политологов является объяснение, основанное на концепте политических машин. В данном случае исследователи указывают на формирование в этнических республиках особой системы формальных и неформальных институтов, ядром которой выступает бюрократическая иерархия патрон-клиентелистского типа, способная вовлекать в избирательный процесс широкие массы населения, используя для этого как механизмы принуждения, так и поощрения. При этом стимулы вовлечения граждан носят сугубо материальный (партикуляристский), а не идеологический характер. Ученые заметили, что подобные политические организации, появившиеся в ряде российских регионов во второй половине 1990-х годов, имеют все признаки «политических машин» – политического феномена, впервые описанного на примере выборов в американских городах начала XX века.

Исследователи определяют политические машины как «политические организации, которые мобилизуют электоральную поддержку за счет предоставления избирателям определенного рода привилегий в обмен на их голоса» (Stokes, 2005, p. 315). Специфика подобных организаций состоит в том, что в отличие от современных программных партий, политические машины предлагают избирателям, во-первых, частные, материальные (а не общественные) блага и, во-вторых, предоставляют возможность получить их в краткосрочной перспективе (здесь и сейчас) (Scott, 1969). Наличие бедных слоев населения, для которых подобные предложения являются наиболее актуальными, является одним из необходимых условий эффективности политических машин (Golosov, 2013, p. 463). Однако кроме индивидуальных (частных) благ, политические машины могут предлагать определенные предпочтения отдельным социальным группам, например, кланам, мигрантам или этническим группам. За счет распределения подобных «клубных благ» (Kitschelt and Wilkinson, 2007) в поле машинной политики могут вовлекаться отдельные этносы. Этнокультурные признаки индивида могут выступать маркерами, позволяющими получать предпочтения в виде доступа к рабочим местам, властным позициям или разного рода финансовой поддержки.

От большинства «типичных» российских регионов этнические республики отличаются большей долей уязвимых для машинной политики социальных групп в виде бедных сельских жителей. Наличие сравнительно большой доли «сельского ядра» (Matsuzato, 2001; Hale, 2003) в этнических республиках делает эффективность политических машин выше не только потому, что сельские жители значительно беднее городских, но и в силу маленьких размеров сельских поселений, что облегчает для администрации контроль за электоральным поведением граждан на местах (Auyero, 2001; Stokes, 2005; Nichter, 2018).

Кроме того, значительная доля этнических меньшинств до сих пор проживает на селе. Поэтому, кроме объективных поселенческих характеристик, облегчающих работу политических машин, власти в этнических республиках имеют дополнительный рычаг воздействия на электорат в виде «клубных благ», распределяемых на этнократических принципах. Используя идеологию этнонационализма (Sharafutdinova, 2013), главы республик обеспечивают сохранение этнического ядра своей электоральной поддержки, воспроизводя практики этнического фаворитизма (Chandra, 2004). Важным моментом данного объяснения является то, что этнический фактор обуславливает электоральную мобилизацию не сам по себе, а только при наличии усилий региональных элит по институционализации этничности посредством идеологического обоснования этнократических практик в виде концепта этнофедерализма и особых прав титульных этносов. Другими словами, в рамках данного подхода ученые политическую лояльность этнических меньшинств объясняют не спецификой их культуры или религии, а сугубо политическими и институциональными факторами, конструируемыми региональными элитами.

Сети

Отдельным объяснением в рамках теории политических машин является версия, указывающая на «традиционалистские» свойства социальной структуры титульных этносов, которая характеризуется плотностью социальных сетей. Под «плотностью» имеется в виду интенсивность рутинного межличностного взаимодействия членов сообщества, характерное для традиционалистского социального уклада. Как предполагают сторонники данного объяснения, в таких обстоятельствах сохраняются «традиционные иерархии, труднее сохранить анонимность и, наоборот, проще обеспечить принуждение и/или контроль над голосованием» (Панов, 2019, с. 56).

Логика данного объяснения основывается на эмпирических примерах вовлечения в избирательный процесс мигрантов в американских городах в начале XX века. Будучи всецело зависимыми от своих работодателей, для сохранения рабочих мест они вынуждены были обеспечивать электоральную поддержку своему боссу (Cornwell, 1964; Wolfinger, 1972). Этническая однородность мигрантов является дополнительным преимуществом для реализации машинной политики из-за сравнительно плотных социальных сетей, которые сохраняются даже в городской среде. В этом случае координаторами в распределении материальных средств и контролерами (брокерами) выполнения сделки могут выступать лидеры этнических диаспор. Их включенность в этнические сети позволяет им эффективно контролировать соблюдение договоренностей между работниками (клиентами) и директором предприятий (патронами) (Ravanilla et al., 2021). Применяя это объяснение к российским реалиям, современные исследователи склонны находить в социальной структуре нерусских этносов схожие характеристики в виде сохранения традиционных иерархий и высокой плотности социальных сетей. Согласно данной точки зрения, именно поэтому этнические республики с высокой долей концентрации таких традиционалистских сообществ предоставляют возможность для региональных властей осуществлять электоральную мобилизацию

населения. При этом доказывается, что гомогенность этносов и их сегрегированная географическая локализация являются дополнительными факторами, упрощающими выполнение этой задачи (Minaeva and Panov, 2020).

Как видно из представленного обзора литературы, все существующие объяснения изучаемой проблемы преимущественно строятся на вероятностной логике, которая проверяется количественными методами. Это позволяет обнаружить наличие некоторых статистически значимых взаимосвязей между переменными, но не может выявить конкретные каузальные механизмы влияния одной переменной на другую. Раскрытие вопроса о том, как конкретно работает взаимосвязь между этническим фактором и уровнем электоральной мобилизации, так же как прояснение того, какие из объяснительных факторов действительно влияют на электоральное поведение в российском современном контексте, требуют применения качественных методов.

Нашей целью было не столько проверка упомянутых выше объяснений, но выявление казуальных механизмов и конкретных политических практик на локальном уровне, обеспечивающих высокий уровень электоральной мобилизации в этнических республиках. Это требовало изучения социального контекста и сбора качественных данных, которые могут раскрыть указанные аспекты в наиболее конкретном виде. Метод фокус-группы отвечает указанным требованиям и был выбран в качестве главного для сбора данных. Фокус-группы проведены в пяти этнических республиках (республиках Башкортостан, Татарстан, Коми, Саха (Якутия) и Чувашии) в период с сентября 2020 по июнь 2021 годов.

Значимым критерием отбора регионов была их дифференциация с точки зрения уровня электоральной мобилизации и культурных характеристик. Важно было включить в поле анализа разные регионы для возможности проведения сравнительного анализа. Татарстан и Башкортостан представляют собой исламские республики с высоким уровнем электоральной мобилизации, в то время как Саха (Якутия) является случаем с низким уровнем аналогичного показателя. Коми и Чувашия – это промежуточные случаи, уровень электоральной мобилизации в которых примерно соответствует среднероссийскому показателю. Выборка была сформирована таким образом, чтобы покрыть все существующие вариации с точки зрения уровня электоральной мобилизации и религиозно-культурных характеристик.

Поскольку существующие теории указывают на этническую гомогенность и сельский уклад жизни как на важные факторы воспроизводства электоральной мобилизации, фокус-группы были проведены в небольших сельских поселениях с доминированием титульного этноса в составе их жителей. Как было указано выше, согласно теоретическим ожиданиями, именно в таких поселениях вероятность обнаружения факторов в виде религии, политических машин или плотных социальных сетей выше. Фокус-группы включали в себя участников численностью от 12 до 15 человек разного возраста, пола и профессий, но гомогенных по своей этнической принадлежности. Последнее условие было важным с точки зрения обсуждения культурных, религиозных и этнических вопросов, которые для многих людей являются деликатными. Более откровенного их обсуждения можно добиться в культурно однород-

ной среде. В среднем продолжительность каждой фокус-группы составляла 1 час 10 минут. Основная информация по каждой проведенной фокус-группе систематизирована в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Основные данные по фокус-группам / Base data on focus groups

№ п/п	Республика	Район, село	Дата проведения	Количество участников	Этническая принадлежность участников
1	Башкортостан	Куюргазинский, с. кшимбетово	26.10.2020	15	Башкиры
2	Татарстан	Альметьевский, с. Надырово	12.09.2020	12	Татары
3	Коми	Усть-Куломский, с. Дон	27.04.2021	12	Коми
4	Саха (Якутия)	Намский, с. Намцы	23.06.2021	15	Якуты
5	Чувашия	Чебоксарский, с. Сархорн	23.04.2021	15	Чуваши

Источник: составлено автором.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разговор с участниками фокус-групп начинался с просьбы оценить реальный уровень явки на выборах в их поселении. Во всех без исключения регионах респонденты подтвердили факт высокого электорального участия и указали, что официальная статистика вполне отражает реальное положение дел. Однако мотивация участия в выборах у людей оказалась разная. Анализ полученных ответов позволяет выделить три основные группы сельских жителей, участвующих в выборах, но делающих это в силу различных причин.

Первая группа представляла собой респондентов преимущественно пожилого возраста. Объясняя мотивы своего участия в выборах, они апеллировали к моральным принципам ответственности и гражданского долга. Характерными репликами были следующие:

«Выборы – это наша обязанность!».

«Мы ходим, потому что мы законопослушные граждане. У нас такое воспитание».

«Она учительница, он учитель, я работала в детском саду, если я на выборы не приду – это плохо. Мы воспитываем детей, а сами на такое серьезное мероприятие не пойдем. Я думаю – это плохо».

«Это долг. Ответственность. Болеем за своих детей, внуков, как у них дальше будет».

Пытаясь понять истоки этой ответственности, мы не нашли религиозных или этнокультурных ее оснований. Ни один из респондентов не связывал выборы и отношение к ним с влиянием религии или культурных традиций. Однако в ответах многих представителей старшего поколения отчетливо зву-

чала тема советского наследия. Респонденты часто указывали на советский опыт участия в избирательном процессе, который сформировал у них восприятие выборов как необходимого и важного политического института. Так, например, участники фокус-групп отмечали:

«Я хожу на выборы с 18 лет. И я ни разу не пропускала. Это мой долг».

«Я хожу на выборы. Потому что выборы помогают. Они нам нужны. Выборы нас кормят. Пенсию вовремя дают. Нам очень нужны выборы. Я всегда хожу на выборы с 18 лет. Мне вот уже сейчас 80, и я всегда ходила. Как же не ходить на выборы? Мне всегда были нужны выборы!».

Как видно из последней реплики, многие представители старшего поколения видят взаимосвязь между выборами и качеством жизни. Многие искренне убеждены, что посредством выборов они могут повлиять на политиков, их решения и тем самым на развитие страны, региона и свое личное будущее:

«Для нас это праздник и надежда, что лучшее нам сделают новые политики».

«Это же наше будущее. Поэтому все должны участвовать».

В таком восприятии выборов их качество имеет второстепенное значение. Как указывали многие респонденты этой подгруппы, их ответственность и гражданский долг состоит в том, чтобы принять участие в выборах и выразить свою гражданскую позицию. Хотя они не исключают того, что выборы могут проходить с нарушениями и не всегда отражать волю народа, люди старшего поколения склонны не думать об этом и ссылаются на то, что подсчет голосов и общие итоги голосования выходят за рамки их ответственности. Характерным ответом на замечание о возможных фальсификациях на выборах является следующий:

«Мы ходим, это наш долг. А что там потом с протоколами, это не наше дело».

Таким образом, как первое звено в цепи электоральной мобилизации на локальном уровне можно выделить советское наследие в виде традиции участия в выборах, которое остается значимым для представителей старшего поколения. Учитывая, что на селе доля пожилых сравнительно велика, данный фактор можно признать существенным в воспроизводстве высокой электоральной явки.

Однако новое поколение, не заставшее практик советских выборов, оценивает качество и справедливость выборов куда более критично. Тем не менее представители молодежи и люди средних лет в основном также подтвердили факт своего участия в выборах. Но мотивы этого участия совершенно иные.

Вторая группа респондентов, мнение которой резко отличается от предыдущей, включала в себя людей трудоспособного возраста. Многие из них указывали, что их участие в выборах носит вынужденный характер и есть результат прямого или косвенного давления со стороны начальства организаций, в которых они работают. При этом, как следует из рассказов участников фокус-групп, директорат организаций пытается повлиять не только на явку, но и на сам политический выбор своих сотрудников. Поэтому административный прессинг включает в себя два этапа. Сначала осуществляется «разъ-

яснительная работа» о том, за кого следует голосовать. На втором этапе начинается массированная деятельность по обеспечению явки. Многие респонденты убеждены, что поскольку предварительно людям дали четкий сигнал о том, кого следует поддержать, высокая явка автоматически приводит к победе кандидата, имеющего административную поддержку. Так, например, участники фокус-групп высказывали следующие суждения:

«Мне внучка рассказывала, в университете их заставляют идти на выборы и в противном случае грозятся лишить студентов места в общежитии. И это не только в вузах, но и на руководителей в организациях давят, а они, в свою очередь, дают на работников. Они заставляют идти на выборы, но до этого проводится работа, за кого надо голосовать. Поэтому люди идут и уже знают указания».

«Перед выборами всегда пытаются нам разъяснить, почему нужно, чтобы победила “партия власти”. И всегда говорят, что финансирование будет больше, если мы проголосуем правильно. Это пряник – это угроза дефицита бюджета. Сколько выборов было – я бы поверил в это. Если “Единая Россия” побеждает, то финансирование лучше».

«Как только выборы начинаются, руководство уговаривает голосовать за “Единую Россию” и фактически так и есть: финансирование зависит от голосования. Поэтому чиновники правду говорят, что лучше голосовать за “ЕР”, чтобы не терять финансирование. Чтобы региону было нормально. И федеральная власть это показывает».

Некоторые респонденты отмечали, что со временем административное давление становится более явным и жестким. С одной стороны – это приводит к увеличению явки. Но, с другой, это порождает недовольство людей:

«Сейчас стало давления больше, мне кажется, в бюджетных организациях. Сидят на телефонах, заставляют отчитаться, прислать фотографию, что ты проголосовал».

«Я тоже бюджетник. И у нас недавно по отделениям, по участковым больницам была рассылка, чтобы мы все проголосовали за Дачникову (за нужного). За депутата».

«Руководители накануне нам напоминают о выборах и угрожают, чтобы мы ходили».

«Я хожу (на выборы). Но иногда нервирует то, что нас, бюджетников, обязывают голосовать. И мы знаем поименно, кто проголосовал, а кто нет. И это нервирует народ, и потом люди не хотят идти на выборы. Это на местном уровне бывают такие перегибы».

Как следует из ответов респондентов, административному давлению подвергаются не только работники бюджетных организаций, но и работники частных предприятий. На современном этапе влияние бюрократического аппарата стало настолько мощным, что формально независимые экономические субъекты предпочитают не игнорировать указания администрации и активно вовлекаются в практики электоральной мобилизации своих сотрудников. Так, например, ряд респондентов, работающих в добывающих нефтяных компаниях, делились своим опытом:

«Я когда работал в “Лукойл”, у меня было такое: я работал на промысле, это 80 км от населенного пункта. И мне начальник позвонил и сказал, что если ты не проголосуешь, то завтра можешь вообще на работу не выходить. То есть это добровольно-принудительный порядок. Более того, перед этим нас заставили вступить в партию “Единая Россия”».

«На работе голосуют одинаково. На работе всех собирают и проводят предварительное собеседование. На предприятиях нефтедобычи и других требуют обязательно сходить на выборы и потом еще “отзвониться” и “отчитаться”. И требуют голосовать за “Единую Россию”. Но те, кто не работает на этих предприятиях, они голосуют по-разному».

«Да, у нас на селе все голосуют по-разному. Но мой сын и дочь работают на предприятии, и они должны обязательно сходить на выборы и сообщить начальству, за кого голосовал. Их заставляют говорить. Особенно на производстве».

Таким образом, вторая группа участников выборов на селе вовлечена в избирательный процесс в силу административного давления. Эти практики принуждения вполне вписываются в логику машинной политики. Как видно из ответов респондентов, в ареал политических машин вовлечены не только государственные и бюджетные предприятия, но и частный экономический сектор. При этом в качестве основного стимула электоральной мобилизации используется кнут (угроза увольнения), а не пряник (финансовое поощрение). Единственная категория граждан, которая имеет прямую материальную выгоду от показателей явки на выборах – это члены участковых избирательных комиссий. Как говорили респонденты с опытом работы в этих комиссиях, их конечная заработная плата напрямую зависит от показателей явки на их участке, поэтому они крайне заинтересованы в этом:

«Я работаю в избирательной комиссии, и мы агитируем ходить на выборы, потому что, если явка будет маленькая, нам премию за работу не дадут. Эта премия нефиксированная, и мы не знаем ее сумму до выборов. Потом после выборов руководство решает, сколько нам платить за эту работу».

Но насколько эффективна эта агитация и почему на выборы ходят сельские жители, которые работают вне бюджетной сферы и являются экономически независимыми от государства? На чем основано участие в выборах мелких и средних предпринимателей, фермеров, которые продолжают составлять значимую часть сельских жителей? Эта категория граждан составила **третью группу** участников фокус-групп, которые описали третий механизм вовлечения их в избирательный процесс.

Этим механизмом является солидарность жителей, которая обусловливается спецификой сельского уклада жизни. Небольшие размеры поселений приводят к тесной межличностной коммуникации, в результате чего почти все сельские жители знают друг друга. Это подтверждает теорию о влиянии плотных социальных сетей, но природа этих сетей связана не со спецификой этнической культуры, а с сугубо поселенческим фактором. Важнейшим последствием тесной коммуникации жителей поселков друг с другом является наличие у членов избирательных комиссий не только списка избирателей, но и их номеров сотовых телефонов и другой контактной информации.

В результате, администрация может не просто определить абсентеистов, но и повлиять на них через звонки и напоминание о необходимости принять участие в выборах в ходе самого избирательного процесса. Во всех регионах респонденты подтвердили и описали многие примеры того, как за несколько часов до завершения голосования члены участковых избирательных комиссий начинают обзванивать тех, кто до сих пор не проголосовал:

«Если ты не придешь на выборы, то тебе будут звонить и просить, чтобы ты пришел. Я хожу на выборы только из-за этого. Потому что звонят и просят прийти».

«Звонить будут. Который час, почему не явился до сих пор на выборы?».

«Я один раз не ходила. У меня голова болела. Так они ко мне в 10 вечера прибежали домой».

«Да, из комиссии звонят. Говорят, что если вы не придете, то мы не можем уйти. Поэтому просят прийти. А в деревне надо скотину кормить и поздно домой приходиться нельзя. Поэтому да, звонят и просят прийти. И мне неудобно не прийти, когда звонят. Я иду».

Некоторые респонденты указали на то, что, переезжая в город и лишаясь столь плотного контроля, они перестают ходить на выборы. Например, один респондент поделился следующим:

«Потому что на селе все друг друга знают и все знают, кто ходит. Если не пришел, то могут позвонить. Я когда сама в городе работала, на выборы не ходила. Честно скажу. Я 5 лет работала в городе и не ходила на выборы».

Подобные суждения убедительно показывают, что сельские жители ходят на выборы в силу плотных социальных сетей и возможностей административного контроля, которые обусловлены спецификой поселенческого уклада жизни, а не этнокультурными нормами. Переезжая в город и живя вне плотных социальных сетей, люди меняют свое электоральное поведение при сохранении своей религии и этнической культуры. Следовательно, последние не могут быть признаны факторами, влияющими на политическую активность избирателей.

Важным моментом является то, что работа этих сетей строится не на традиционных иерархиях и методах принуждения, а скорее на горизонтальных связях и принципах коллективной солидарности. Члены избирательных комиссий при звонках обращаются и уговаривают прийти на выборы в предельно вежливой форме. Жители села не воспринимают эти звонки как элемент давления или принуждения:

«Просто звонят и напоминают. Спрашивают о здоровье. Но не заставляют».

«Не пойдешь на выборы, тебе звонить будут. Общаются очень вежливо и, когда звонят, не ругаются, а вежливо спрашивают о причине, может, ты болеешь? Но ни в коем случае не ругаются и не говорят, к примеру, что, если ты не придешь, мы тебе сейчас газ отрубим или свет выключим! Нет, такого нет».

Таким образом, в отличие от работников бюджетной сферы, которые участвуют в выборах в результате принуждения, остальные жители села вовлекаются в избирательный процесс на основах норм солидарности. Можно сказать,

что в коммуникации между гражданами и членами избирательных комиссий именно последние скорее выступают как «жертвы», которые могут пострадать, в случае если жители села отклонят их просьбу и не придут на выборы. Однако, зная каждого лично, а также в силу коллективной солидарности, люди в большинстве случаев склонны положительно откликаться на эти просьбы. Попытки «зондирования» в виде дополнительных вопросов о возможностях администрации наказать абсентеистов получили категорически отрицательные ответы:

«Я работал членом избирательной комиссии. Я простой пенсионер. Что я могу ему сделать, как наказать? Я просто скажу ему: “Чего не пришел? Нужно же отдать свой долг!”. Но не пришел, что я могу сделать. Не пришел, так не пришел».

«Наказать не накажут, но у нас хорошие отношения и нам просто неприятно подводить другого».

Во всех фокус-группах участники уверены, что администрация не имеет возможностей прямо наказать людей в случае их несогласия участвовать в выборах. Однако на деле таковых почти нет просто в силу солидарности и коллективного убеждения, что отказывать на просьбу является дурным тоном. Люди, соглашаясь идти на выборы, скорее заботятся о своей репутации «доброго и отзывчивого соседа», чем боятся реального наказания в виде потери работы или других материальных издержек. В этом смысле на людей оказывает влияние неформальная культура сельского общепития, нежели институциональные механизмы принуждения или опасность репрессий:

«Наша деревня маленькая. Так или иначе, все знают, кто ходил, а кто не ходил на выборы. И если ты не пойдешь, то на тебя будут косо смотреть. Будут косо смотреть люди, администрация, члены сельсовета, например. И если ты не пришел, то ты как отшельник будешь».

«В деревне выборы – это повод встретиться, поговорить. Больше же идти некуда. Вот они и идут. И если кто не пришел, им звонят. И они идут, чтобы показаться хорошими».

«Мы живем не в мегаполисе, и тут каждый друг друга знает и видит, кто не ходит. И иногда хочется быть как все. Не хочется оставаться белыми и пушистыми. Или наоборот. Это несильное давление. На меня никто не давит. Но все равно что-то есть».

Как объяснял один из участников фокус-группы в Чувашии, неформальное давление в этом смысле исходит не от администрации, а от самих жителей села, которые рассматривают абсентеизм как признак отсталости и политической безграмотности:

«Тот, кто не ходит, то мы смотрим на него как на того, кто отстаёт от жизни. Он не противник, не враг, но тот, кто активность потерял, кто не передовой. Он неинтересно живет. И стыдливость появляется. Надо идти. Но как голосовать — это мое дело».

В Республике Саха (Якутия) респонденты указывали на коллективные задачи по привлечению материальных ресурсов и общее понимание того, что участие в выборах может оказать на это влияние. Это служит обоснованием для порицания тех, кто уклоняется от участия в выборах:

«Мы надеемся, что если деревня явку сделает, то власть потом какую-то сумму даст и благоустроит. Поэтому тут важна консолидация всех. А вы не пойдете, другой не пойдет, и тогда мы общую задачу не решим!».

Таким образом, осуществленный анализ данных фокус-групп позволяет прийти к выводу, что высокая электоральная мобилизация в этнических республиках есть результат не одного, а как минимум трех факторов. В этом смысле существующие теории, объясняющие исследуемый феномен, подтвердились лишь частично. При этом ряд их положений требуют иной интерпретации.

ОБСУЖДЕНИЕ

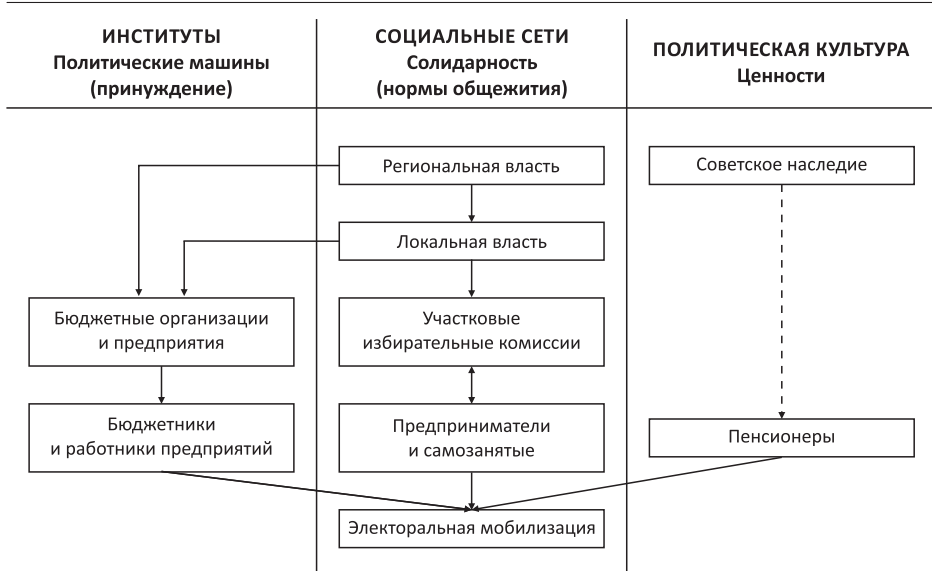
Концептуализация основных результатов исследования

Обобщая анализ полученных данных, можно заключить, что культурологический подход, рассматривающий религию как важный фактор, влияющий на электоральное поведение, не нашел эмпирического подтверждения, по крайней мере, на материалах исследуемых республик. Респонденты в исламских регионах (Башкортостане, Татарстане), поясняя свое участие в выборах, ничем не выделялись среди участников фокус-групп из других республик. Тема религии ни в одном из исследуемых случаев не возникала как важная объяснительная переменная. Это, однако, не означает, что культурные факторы совсем не имеют значения, но их природа не носит религиозного характера. Большее значение имеет фактор советского наследия. Это в особенности справедливо в отношении избирателей пенсионного возраста, на которых ценности советской политической культуры продолжают оказывать влияние. Долговременный опыт участия в избирательном процессе в советский период сформировал у старшего поколения избирателей понимание выборов как ценности, что обуславливает их политическую активность и является важным звеном в единой цепи электоральной мобилизации.

Теория плотных социальных сетей в целом нашла подтверждение, но эмпирические находки позволяют изменить акценты в ее интерпретации. Полученные данные показывают, что плотность социальных сетей есть следствие не специфики этнической культуры нерусских этносов, а результат поселенческого фактора в виде маленького размера поселений, что формирует дополнительные возможности для локальных властей по мониторингу, контролю и влиянию на электоральную активность.

Наконец, третье важное звено в единой цепи электоральной мобилизации – это политические машины, которые на основах принуждения вовлекают в избирательный процесс экономически зависимые группы населения в виде работников бюджетной сферы и промышленных предприятий.

Обобщенная схема влияния указанных факторов на электоральную мобилизацию представлена на рисунке.

*Рис. Три звена в цепи электоральной мобилизации /
Fig. Three links in the chain of electoral mobilization*

Таким образом, результаты исследования говорят о том, что причины высокого уровня электоральной мобилизации в этнических республиках России по сравнению с большинством «типичных» регионов связаны скорее с объективными социальными параметрами в виде типа поселения (городское / сельское), нежели со спецификой этнокультурного характера. Этот вывод вполне согласуется с последними количественными исследованиями данной проблемы, согласно которым на локальном уровне электоральная явка в русских деревнях также высока и в целом не отличается от уровня электоральной мобилизации в нерусских селах (White and Saikkonen, 2017). Сравнительно высокая доля аграрного населения, которая характеризует большинство этнических республик, создает для местных властей широкие возможности для обеспечения электоральной явки. Среди этих возможностей ключевую роль играют высокая доля пожилых избирателей на селе и плотность социальных сетей, что существенно облегчает выполнение задачи по вовлечению в избирательный процесс большинства граждан. Политическая культура участия в выборах пожилых избирателей, как элемент советского наследия, а также фактор рутинной солидарности сельских жителей являются наиболее важными звеньями в цепи электоральной мобилизации. Поскольку большинство нерусских этносов продолжают жить на селе, «наложение» культурного и поселенческого факторов мешает разделить один от другого. Это стало причиной, почему многие эксперты склонны объяснять высокий уровень политической лояльности нерусских избирателей спецификой их этнической культуры. Однако данное исследование показывает, что такого рода культурные факторы оказывают минимальное влияние на электоральное поведение и природу повышенной политической лояльности этнических республик следует искать в особенностях институциональной и социально-демографической структуры локальных сообществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании представлена попытка уточнить конкретные механизмы воспроизводства высокой явки на выборах в российских этнических республиках. Существующие объяснения, которые преимущественно основываются на количественном анализе, дополнены качественными данными, собранными с помощью метода фокус-групп. Это позволило услышать не только «голос цифр», но и мнение людей, непосредственно вовлеченных в избирательный процесс. Собранные данные помогли уточнить теории и более детально описать конкретные звенья той цепи, которая связывает избирателей воедино в ходе выборов.

Нам не удалось найти подтверждения влияния религиозных или этнокультурных факторов в формировании политического конформизма или электоральной явки среди нерусских этносов. Мобилизация скорее обуславливается универсальными факторами. Среди них важнейшими выступают три:

- 1) советские политические традиции участия в выборах, которые до сих пор определяют электоральное поведение старшего поколения избирателей;
- 2) совокупность формальных и неформальных институтов принуждения (политических машин), вовлекающих в избирательный процесс работников бюджетной сферы и промышленных предприятий;
- 3) фактор общественной солидарности, который воспроизводится в силу интенсивных межличностных взаимодействий (плотных социальных сетей), объективно формирующихся в небольших сельских поселениях.

На основе полученных данных можно сделать как минимум два обобщающих вывода. Во-первых, хотя качественные данные не позволяют точно оценить вес и пропорции влияния каждого из факторов, но свидетельства респондентов показывают, что влияние политических машин в последнее время возрастает. Это выражается в том, что ранее независимые экономические субъекты в виде частных промышленных предприятий, которые прежде избегали участия в практиках электоральной мобилизации своих сотрудников, на современном этапе активно вовлекаются в этот процесс. Возможно, это является объяснением отмеченного исследователями по данным последних выборов депутатов Государственной Думы в 2016 году факта исчезновения статистической значимости переменной в виде доли аграрного населения как предиктора, объясняющего более высокую электоральную поддержку партии «Единая Россия» (Panov and Ross, 2019). Если ранее сельские жители существенно активнее ходили на выборы, чем горожане, то теперь эта разница уже не является столь значительной. Вовлечение городских предприятий в ареал машинной политики, возможно, объясняет этот факт.

Во-вторых, свидетельства о роли норм солидарности на селе в ходе выборов позволяют сделать вывод, что консолидация и высокая интенсивность горизонтальных взаимосвязей не всегда работают на воспроизводство институтов гражданского общества и низовых демократических практик. Как показывает опыт российских этнических республик, этот элемент общественной консолидации вполне может быть интегрирован в дизайн авторитарных выборов. Таким образом, неформальные сети низовой солидарности могут быть

использованы не только оппозицией, но и локальной властью для увеличения электоральной мобилизации, что в текущем политическом контексте скорее укрепляет авторитарные порядки и практики, чем создает для них угрозы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00444 А «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России».

Автор выражает благодарность коллегам по данному исследовательскому проекту, участвовавшим в сборе данных. В частности, Ильдару Махмутовичу Габдрафикову (старший научный сотрудник Уфимского федерального исследовательского центра РАН) за проведение фокус-группы в Республике Татарстан и Андрею Владимировичу Семенову (старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета) за проведение фокус-группы в Республике Саха (Якутия).

Библиографический список

Панов П. В. Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 2. С. 53–62. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.2.6.

Auyero J. Poor people's politics: Peronist survival networks and the legacy of Evita. Durham: Duke University Press, 2001. 296 p.

Bader M., Van Ham C. What explains regional variation in election fraud? Evidence from Russia: A research note // Post-Soviet Affairs. 2015. Vol. 31, № 6. P. 514–528. DOI: 10.1080/1060586X.2014.969023.

Bates R. H. Modernization, ethnic competition, and the rationality of politics in contemporary Africa // State versus ethnic claims: African policy dilemmas / Ed. by D. Rothchild, V. A. Olorunsola. Boulder, CO: Westview Press, 1983. P. 152–171.

Birnie J. Ethnicity and electoral politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 211 p.

Chandra K. Why ethnic parties succeed: Patronage and ethnic head counts in India. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 368 p.

Cornwell E. Bosses, machines, and ethnic groups // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1964. Vol. 353, № 1. P. 27–39. DOI: 10.1177/000271626435300104.

Fish S. Islam and authoritarianism // World Politics. 2002. Vol. 55, № 1. P. 4–37. DOI: 10.1353/wp.2003.0004.

Franck R., Rainer I. Does the leader's ethnicity matter? Ethnic favoritism, education, and health in Sub-Saharan Africa // American Political Science Review. 2012. Vol. 106, № 2. P. 294–325. DOI: 10.1017/S0003055412000172.

From union to commonwealth. Nationalism and separatism in the Soviet Republics / Ed. by G. Lapidus, V. Zaslavsky, Ph. Goldman. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 127 p.

Golosov G. Machine politics: The concept and its implications for post-Soviet studies // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. Vol. 21, № 4. P. 459–480.

Goodnow R., Moser R. Layers of ethnicity: The effects of ethnic on the electoral success in Russia // *Comparative Political Studies*. 2012. Vol. 45, № 2. P. 238–264. DOI: 10.1177/0010414011421310.

Goodnow R., Moser R., Smith T. Ethnicity and electoral manipulation in Russia // *Electoral Studies*. 2014. Vol. 36. P. 15–27. DOI: 10.1016/j.electstud.2014.05.005.

Gorenburg D. Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. New York, NY: Cambridge University Press, 2003. 297 p.

Gorenburg D. Regional separatism in Russia: Ethnic mobilisation or power grab? // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51, № 2. P. 245–274. DOI: 10.1080/096681399999029.

Hagendoorn L., Poppe E., Minescu A. Support for separatism in ethnic republics of the Russian Federation // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60, № 3. P. 353–373. DOI: 10.1080/09668130801947960.

Hale H. Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19, № 3. P. 228–263. DOI: 10.2747/1060-586X.19.3.228.

Hale H. The makeup and breakup of ethnofederal states: Why Russia survives where the USSR fell // *Perspectives on Politics*. 2005. Vol. 3, № 1. P. 55–70. DOI: 10.1017/S153759270505005X.

Hoffman B., Long J. Parties, ethnicities, and voting in African elections // *Comparative Politics*. 2013. Vol. 45, № 1. P. 127–146. DOI: 10.2307/41714179.

Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York, NY: Simon and Schuster, 1996. 367 p.

Islam, gender, culture, and democracy: Findings from the world values survey and the European values survey / Ed. by R. Inglehart. Ontario: De Sitter Publications, 2003. 213 p.

Kaiser R. The geography of nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. 471 p.

Karatnycky A. Muslim countries and the democracy gap // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13, № 1. P. 99–112. DOI: 10.1353/jod.2002.0009.

Kedourie E. Democracy and Arab political culture. London: Frank Cass, 1994. 118 p.

Kitschelt H., Wilkinson S. A research agenda for the study of citizen-politician linkages and democratic accountability // *Patrons, clients, and policies / Ed. by H. Kitschelt, S. Wilkinson.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 322–343.

Kostenko V., Kuzmichev P., Ponarin E. Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world // *Democratization*. 2016. Vol. 23, № 5. P. 862–891. DOI: 10.1080/13510347.2015.1039994.

Matsuzato K. From ethno-Bonapartism to centralized caciquismo: Characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1900–2000 // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001. Vol. 17, № 4. P. 43–77. DOI: 10.1080/714003590.

- Mayer A. E.* Islam and human rights: Tradition and politics. Boulder, CO: Westview Press, 1999. 258 p.
- Miller J.* God has ninety-nine names. New York, NY: Touchstone, 1997. 576 p.
- Minaeva E., Panov P.* Localization of ethnic groups in the regions as a factor in cross-regional variations in voting for united Russia // *Russian Politics*. 2020. Vol. 5, № 2. P. 131–153. DOI: 10.30965/24518921-00502001.
- Myagkov M., Ordeshook P., Shakin D.* The forensics of election fraud. Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 289 p.
- Naipaul V.* Among the believers: An Islamic journey. New York, NY: Random House, 1982. 495 p.
- Nichter S.* Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 102, № 1. P. 19–31. DOI: 10.1017/S0003055408080106.
- Panov P., Ross C.* Explanatory factors for electoral turnout in the Russian Federation: The regional dimension // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2016. Vol. 24, № 3. P. 351–370.
- Panov P., Ross C.* Volatility in electoral support for united Russia: Cross-regional variations in Putin's electoral authoritarian regime // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, № 2. P. 268–289. DOI: 10.1080/09668136.2018.1563050.
- Posner D. N.* Institutions and ethnic politics in Africa. New York, NY: Cambridge University Press, 2005. 339 p.
- Ravanilla N., Haim D., Hicken A.* Brokers, social networks, reciprocity and strategies of clientelism [Электронный ресурс] // *American Journal of Political Science*. 2021. DOI: 10.1111/ajps.12604. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/ajps.12604> (дата обращения: 13.07.2021).
- Saikkonen I.* Electoral mobilization and authoritarian elections: Evidence from Post-Soviet Russia // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52, № 1. P. 51–74. DOI: 10.1017/gov.2015.20.
- Scott J.* Corruption, machine politics, and political change // *The American Political Science Review*. 1969. Vol. 63, № 4. P. 1142–1158. DOI: 10.1017/S0003055400263247.
- Sharafutdinova G.* Getting the “dough” and saving the machine: Lessons from Tatarstan // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. Vol. 21, № 4. P. 507–529.
- Shkel S.* Bastions of tradition: The ethnic factor and political machines in Russian regions // *Russian Politics*. 2019. Vol. 4, № 1. P. 76–111. DOI: 10.1163/2451-8921-00401004.
- Stokes S.* Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99, № 3. P. 315–325. DOI: 10.1017/S0003055405051683.
- Tessler M.* Islam and democracy in the Middle East: The impact of religious orientations on attitudes toward democracy in four Arab countries // *Comparative Politics*. 2002. Vol. 34, № 3. P. 337–354. DOI: 10.2307/4146957.
- Tishkov V.* Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union. London: Sage, 1997. 334 p.

Wantchekon L. Clientelism and voting behavior: Evidence from a field experiment in Benin // *World Politics*. 2003. Vol. 55, № 3. P. 399–422. DOI: 10.1353/wp.2003.0018.

White A., Saikkonen I. More than a name? Variation in electoral mobilisation of titular and non-titular ethnic minorities in Russian national elections // *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16, № 5. P. 450–470. DOI: 10.1080/17449057.2016.1221186.

Wolfinger R. Why political machines have not withered away and other revisionist thoughts // *The Journal of Politics*. 1972. Vol. 34, № 2. P. 365–398. DOI: 10.2307/2129360.

Информация об авторе

Шкель Станислав Николаевич – доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 190068, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, 123

ORCID: 0000-0002-0950-7436

Researcher ID: G-8498-2018

Электронный адрес: stas-polit@yandex.ru

Статья получена редакцией 28 июля 2021 года

Принята к печати 10 августа 2021 года

UDC 324

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-3-381-405

CHAINED BY ONE CHAIN: MECHANISMS OF ELECTORAL MOBILIZATION AT THE LOCAL LEVEL IN THE RUSSIAN ETHNIC REPUBLICS

Stanislav N. Shkel

National Research University Higher School of Economics –
St. Petersburg, 123 Griboyedov Canal emb., St. Petersburg,
190068, Russia

ORCID: 0000-0002-0950-7436

Researcher ID: G-8498-2018

E-mail: stas-polit@yandex.ru

For citation:

Shkel, S. N. (2021), “Chained by one chain: Mechanisms of electoral mobilization at the local level in the Russian ethnic republics”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 3, pp. 381–405, doi: 10.17072/2218-9173-2021-3-381-405.

Abstract

Introduction: researchers of the Russian elections have long noticed that in a number of ethnic republics the level of electoral mobilization and political conformism of voters is higher than the average in Russia. Despite the fairly numerous statistical evidence of the existence of this political phenomenon, we still know relatively little about the specific causal mechanisms for the reproduction of electoral activity in these republics. **Objectives:** identifying the factors bringing about a high level of electoral mobilization in ethnic republics in Russia. **Methods:** analysis of qualitative data collected through focus groups method in five regions: Republic of Bashkortostan, Republic of Tatarstan, Komi Republic, Republic of Sakha (Yakutia) and Chuvash Republic. **Results:** as the result of the study it is concluded that a high level of electoral mobilization is caused by the combination of three factors, each of which affects different categories of voters. The institutional factor in the form of political machines involves into the electoral process those employed in public sector and industrial enterprises. The density of social networks resulting from specificity of rural way of life influences the electoral behavior of entrepreneurs and self-employed people living in the countryside. Finally, the Soviet legacy continues to determine the high political activity of the older generation, acting as a significant cultural factor. At the same time, there has been no empirical proof to a number of explanations whereby religion or ethnic culture of non-Russian ethnic groups is viewed as factors that simplify electoral mobilization. **Conclusions:** evidence on the role of the solidarity norms in rural areas during elections makes it possible to conclude that the consolidation and high intensity of horizontal relationships do not always promote the reproduction of civil society institutions and grass-roots democratic practices. As it is shown in the experience of the Russian ethnic republics, this element of social consolidation may well be integrated into the design of authoritarian elections. Thus, informal networks of grass-roots solidarity can be used not only by the opposition, but also by local authorities to increase electoral mobilization, which, in the current political context, rather strengthens authoritarian orders and practices than creates threats to them.

Keywords: elections; electoral process; ethnic republics; electoral mobilization; Russian regions

Acknowledgements

The research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-011-00444 A “Centralization, ethnic factor and electoral processes in the regions of Russia”.

The author expresses his gratitude to colleagues on research project involved in collecting the data, in particular, Ildar M. Gabdrafiqov, senior researcher of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, for conducting a focus group in the Republic of Tatarstan, and Andrey V. Semenov, senior researcher of the Center for Comparative Historical and Political Studies, associate professor of Political Sciences Department of Perm State National Research University, for conducting a focus group in the Republic of Sakha (Yakutia).

References

Panov, P. V. (2019), "Ethnic groups' spatial localization as a voting factor in national republics of the Russian Federation", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 2, pp. 53–62, doi: 10.7242/2658-705X/2019.2.6.

Auyero, J. (2001), *Poor people's politics: Peronist survival networks and the legacy of Evita*, Duke University Press, Durham, UK.

Bader, M. and Van Ham, C. (2015), "What explains regional variation in election fraud? Evidence from Russia: A research note", *Post-Soviet Affairs*, vol. 31, no. 6, pp. 514–528, doi: 10.1080/1060586X.2014.969023.

Bates, R. H. (1983) "Modernization, ethnic competition, and the rationality of politics in contemporary Africa", in Rothchild, D. and Olorunsola, V. A. (eds.), *State versus ethnic claims: African policy dilemmas*, Westview Press, Boulder, CO, US, pp. 152–171.

Birnir, J. (2007), *Ethnicity and electoral politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Chandra, K. (2004), *Why ethnic parties succeed: Patronage and ethnic head counts in India*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Cornwell, E. (1964) "Bosses, machines, and ethnic groups", *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 353, no. 1, pp. 27–39, doi: 10.1177/000271626435300104.

Fish, S. (2002), "Islam and authoritarianism", *World Politics*, vol. 55, no. 1, pp. 4–37, doi: 10.1353/wp.2003.0004.

Franck, R. and Rainer, I. (2012), "Does the leader's ethnicity matter? Ethnic favoritism, education, and health in Sub-Saharan Africa", *American Political Science Review*, vol. 106, no. 2, pp. 294–325, doi: 10.1017/S0003055412000172.

Lapidus, G., Zaslavsky, V. and Goldman, Ph. (eds.) (1992), *From union to commonwealth. Nationalism and separatism in the Soviet Republics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Golosov, G. (2013), "Machine politics: The concept and its implications for post-Soviet studies", *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4, pp. 459–480.

Goodnow, R. and Moser, R. (2012), "Layers of ethnicity: The effects of ethnic on the electoral success in Russia", *Comparative Political Studies*, vol. 45, no. 2, pp. 238–264, doi: 10.1177/0010414011421310.

Goodnow, R., Moser, R. and Smith, T. (2014), "Ethnicity and electoral manipulation in Russia", *Electoral Studies*, vol. 36, pp. 15–27, doi: 10.1016/j.electstud.2014.05.005.

Gorenburg, D. (2003), *Minority ethnic mobilization in the Russian federation*, Cambridge University Press, NYC, NY, US.

Gorenburg, D. (1999), "Regional separatism in Russia: Ethnic mobilisation or power grab?", *Europe-Asia Studies*, vol. 51, no. 2, pp. 245–274, doi: 10.1080/09668139999029.

Hagendoorn, L., Poppe, E. and Minescu, A. (2008), "Support for separatism in ethnic republics of the Russian Federation", *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 3, pp. 353–373, doi: 10.1080/09668130801947960.

Hale, H. (2003), "Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy", *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 228–263, doi: 10.2747/1060-586X.19.3.228.

Hale, H. (2005), "The makeup and breakup of ethnofederal states: Why Russia survives where the USSR fell", *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 1, pp. 55–70, doi: 10.1017/S153759270505005X.

Hoffman, B. and Long, J. (2013), "Parties, ethnicities, and voting in African elections", *Comparative Politics*, vol. 45, no. 1, pp. 127–146, doi: 10.2307/41714179.

Huntington, S. (1996), *The clash of civilizations and the remaking of world order*, Simon and Schuster, NYC, NY, US.

Inglehart, R. (ed.) (2003), *Islam, gender, culture, and democracy: Findings from the world values survey and the European values survey*, De Sitter Publications, Ontario, Canada.

Kaiser, R. (1994), *The geography of nationalism in Russia (and the USSR)*, Princeton University Press, Princeton, US.

Karatnycky, A. (2002), "Muslim countries and the democracy gap", *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 1, pp. 99–112, doi: 10.1353/jod.2002.0009.

Kedourie, E. (1994), *Democracy and Arab political culture*, Frank Cass, London, UK.

Kitschelt, H. and Wilkinson, S. (eds.) (2007), "A research agenda for the study of citizen-politician linkages and democratic accountability", in *Patrons, clients, and policies*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 322–343.

Kostenko, V., Kuzmichev, P. and Ponarin, E. (2016), "Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world", *Democratization*, vol. 23, no. 5, pp. 862–891, doi: 10.1080/13510347.2015.1039994.

Matsuzato, K. (2001), "From ethno-Bonapartism to centralized caciquismo: Characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1900–2000", *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 17, no. 4, pp. 43–77, doi: 10.1080/714003590.

Mayer, A. E. (1999), *Islam and human rights: Tradition and politics*, Westview Press Boulder, CO, US.

Miller, J. (1997), *God has ninety-nine names*, Touchstone, NYC, NY, US.

Minaeva, E. and Panov, P. (2020), "Localization of ethnic groups in the regions as a factor in cross-regional variations in voting for united Russia", *Russian Politics*, vol. 5, no. 2, pp. 131–153, doi: 10.30965/24518921-00502001.

Myagkov, M., Ordeshook, P. and Shakin, D. (2010), *The forensics of election fraud. Russia and Ukraine*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Naipaul, V. (1982), *Among the believers: An Islamic journey*, Random House, NYC, NY, US.

Nichter, S. (2008), "Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot", *American Political Science Review*, vol. 102, no. 1, pp. 19–31, doi: 10.1017/S0003055408080106.

Panov, P. and Ross, C. (2016), "Explanatory factors for electoral turnout in the Russian Federation: The regional dimension", *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 24, no. 3, pp. 351–370.

Panov, P. and Ross, C. (2019), “Volatility in electoral support for united Russia: Cross-regional variations in Putin’s electoral authoritarian regime”, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2, pp. 268–289, doi: 10.1080/09668136.2018.1563050.

Posner, D. N. (2005), *Institutions and ethnic politics in Africa*, Cambridge University Press, NYC, NY, US.

Ravanilla, N., Haim, D. and Hicken, A (2021), “Brokers, social networks, reciprocity and strategies of clientelism”, *American Journal of Political Science*, doi: 10.1111/ajps.12604 [Online], available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/ajps.12604> (Accessed July 13, 2021).

Saikkonen, I. (2017), “Electoral mobilization and authoritarian elections: Evidence from Post-Soviet Russia”, *Government and Opposition*, vol. 52, no. 1, pp. 51–74, doi: 10.1017/gov.2015.20.

Scott, J. (1969), “Corruption, machine politics, and political change”, *The American Political Science Review*, vol. 63, no. 4, pp. 1142–1158, doi: 10.1017/S0003055400263247.

Sharafutdinova, G. (2013), “Getting the “dough” and saving the machine: Lessons from Tatarstan”, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4, pp. 507–529.

Shkel, S. (2019), “Bastions of tradition: The ethnic factor and political machines in Russian regions”, *Russian Politics*, vol. 4, no. 1, pp. 76–111, doi: 10.1163/2451-8921-00401004.

Stokes, S. (2005), “Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina”, *American Political Science Review*, vol. 99, no. 3, pp. 315–325, doi: 10.1017/S0003055405051683.

Tessler, M. (2002), “Islam and democracy in the Middle East: The impact of religious orientations on attitudes toward democracy in four Arab countries”, *Comparative Politics*, vol. 34, no. 3, pp. 337–354, doi: 10.2307/4146957.

Tishkov, V. (1997), *Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union*, Sage, London, UK.

Wantchekon, L. (2003), “Clientelism and voting behavior: Evidence from a field experiment in Benin”, *World Politics*, vol. 55, no. 3, pp. 399–422, doi: 10.1353/wp.2003.0018.

White, A. and Saikkonen, I. (2017), “More than a name? Variation in electoral mobilisation of titular and non-titular ethnic minorities in Russian national elections”, *Ethnopolitics*, vol. 16, no. 5, pp. 450–470, doi: 10.1080/17449057.2016.1221186.

Wolfinger, R. (1972), “Why political machines have not withered away and other revisionist thoughts”, *The Journal of Politics*, vol. 34, no. 2, pp. 365–398, doi: 10.2307/2129360.

Received July 28, 2021

Accepted August 10, 2021